

«ДЕРЕВЕНСКОЕ» В ГОРОДСКОМ И «ГОРОДСКОЕ» В ДЕРЕВЕНСКОМ: НЕЗРИМЫЕ ГРАНИЦЫ ДВУХ МИРОВ

УДК 39
DOI 10.33876/2311-0546/2022-1/70-83

© *М.В. Васеха*

ДЕНЬ ИВАНА КУПАЛЫ В НОВОСИБИРСКЕ: ПРАЗДНИК МЕЖДУ «ГОРОДОМ» И «ДЕРЕВНЕЙ»*

Работа включает культурно-антропологический анализ конкретного сибирского обычая – празднования дня Ивана Купалы в городском пространстве крупнейшего сибирского города – Новосибирска. Оказавшись в хорошую жаркую погоду 7 июля в полуторамиллионном Новосибирске, непосвященный человек может решить, что стал жертвой хулиганства, поскольку есть вероятность, что его обольют водой без всяких предупреждений – на улице, в городском транспорте, собственном авто. Для новосибирцев такая ситуация представляется вполне естественной, поскольку все жители осведомлены, что «на Купалу нужно обливаться».

В период советской форсированной урбанизации и индустриализации вместе с «новыми горожанами» – бывшими жителями сибирских сел, в «сибирский Чикаго» (Луначарский 1929: 7–17, 39–48, 87–94) прибывали и «деревенские» традиции повседневной и праздничной культуры. Автор пытается понять, почему из множества популярных, горячо любимых русским народом праздничных традиций реальное укоренение и дальнейшие трансформации получил именно сложившийся к рубежу XIX–XX вв. общесибирский вариант купальской традиции – а именно, всеобщие обливания водой в городском пространстве и «ночь творила» (в старом деревенском варианте «рассташии(ы)ха»), как называли ночные хулиганства молодежи накануне праздника. На протяжении XX в. купальская традиция несколько раз то затихала и становилась исключительно «детской» и праздновалась среди сверстников на территории городских дворов, то набирала мощь и выходила за пределы дворовых пространств на городские улицы и площади, а участниками обливаний и других ритуальных бесчинств становились не только дети и подростки, но и молодежь вплоть до людей весьма зрелого возраста.

Автор размышляет о том, каким образом культурная традиция села адаптировалась в городской среде, как осознают горожане свое поведение в день Ивана Купалы в пространстве мегаполиса, как соотносятся действия новосибирцев в ходе праздника с «деревенским» или с «городским», и можно ли определить новосибирский праздничный купальский ритуал как «специфически городской»?

Васеха Мария Владимировна – к.и.н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: maria.vasekha@gmail.com.

*Работа выполнена при поддержке РФФ, проект «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности» № 22-28-00865

Ключевые слова: «городское» и «деревенское», Иван Купала, городская антропология, городская праздничная культура, календарная обрядность, Западная Сибирь, Новосибирск

Ссылка при цитировании: Васеха М.В. День Ивана Купалы в Новосибирске: праздник между «городом» и «деревней»// Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 70–83.

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/70-83

© M.V. Vasekha

IVAN KUPALA DAY IN NOVOSIBIRSK: BETWEEN “THE URBAN” AND “THE RURAL”

The work includes a cultural and anthropological analysis of a specific Siberian custom – the celebration of Ivan Kupala’s Day in the urban space of the largest Siberian city – Novosibirsk. Finding oneself on a hot day on July 7 in Novosibirsk with a population of 1.5 million people, a stranger may think that they have become a victim of hooliganism, since they can be doused with water without any warning – in the street, in public transport, in their own car. This situation is quite natural for Novosibirsk residents since all of them are aware that “you need to pour water on Kupala.”

During forced Soviet urbanization and industrialization, the “Siberian Chicago” was flooded with the “new townspeople” – former residents of Siberian villages, who brought the rural traditions of everyday and festive culture. The author aims to understand why it was exactly the developed at the turn of the 19th and 20th centuries all Siberian version of the Kupala tradition – namely, the general dousing with water and “Noch Tvorila” (the old name was “rasstashshiha”) as the night youth hooliganism on the eve of the holiday was called, that took root and further transformations, despite the multitude of popular festive traditions dearly loved by Russian people. Throughout the twentieth century, the Kupala tradition would fade and stay restricted to peers celebrating in the city courtyards, and then it would gain strength again and go beyond the courtyards to city streets and squares, and not only children and adolescents would participate in dousing and other ritual atrocities, but also people up a very mature age.

The author reflects on how the cultural tradition of the village has adapted to the urban environment, how the townspeople perceive their behavior on the day of Ivan Kupala in the metropolis. How do the holiday activities of Novosibirsk residents relate to the “village” or the “city”, and is it possible to define the Novosibirsk festive Kupala ritual as “specifically urban”?

Keywords: “urban” and “rural”, Ivan Kupala, urban anthropology, urban festive culture, calendar rituals, Western Siberia, Novosibirsk

For Citation: Vasekha, M.V. 2022. Ivan Kupala Day in Novosibirsk: A Holiday Between “the Urban” and “the Rural”. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 70–83.

Author Info: Vasekha, Maria – PhD in Hist., Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, RF). E-mail: maria.vasekha@gmail.com

Funding: The study was carried out with the financial support of Russian Science Foundation. Project № 22-28-00865

Бурное социалистическое строительство XX в., урбанизация по советской модели, ускоренное промышленно-экономическое развитие городов породило в нашей стране представление о высоком символическом статусе «города». При этом роль «деревни» практически нивелировалась до уровня «отстающей», «некультурной», требующей «взятия на поруки», с середины XX в. неуклонно скатывающейся в некое маргинальное состояние. Поток «новых горожан» из сельской местности в советские города во многом был побочным явлением индустриализации (Ливоваров 2001: 102), а их адаптация на новом месте в антропокультурной парадигме воспринималась как «окультуривание» и избавление от «деревенских» привычек (чаще всего связанных с элементами бытовой и праздничной «традиционной» народной культуры). В конце XX в. специалисты заговорили о противоречии между данными стандартной статистики, по которым страна выглядит «в основном как городская», и не вполне городской жизнью многих граждан, их полукрестьянской психологией, полуаграрным образом жизни и, зачастую, неразвитостью городской инфраструктуры (Нефедова, Трейвиш 2002: 63).

Традиция разделения отечественных исследователей – историков, этнографов, социологов и пр. на «крестьяноведов» и «урбанистов» еще более укрепило представление о двух практически не пересекающихся мирах селян и горожан. Пожалуй, единственным мостиком между этими мирами были исследования миграций и процессы урбанизации. Поляризация сельских и городских исследований привела к тому, что на сегодняшний день практически отсутствуют работы по методическим подходам зримых и незримых антропокультурных границ между «руральным» и «урбанным». В данном случае автор делает попытку преодолеть обозначенный научный разрыв, раскрыть незримую границу антропокультурных представлений об условно «городском» и «деревенском» на конкретном примере празднования Дня Ивана Купалы 7 июля (24 июня по старому стилю) в городском пространстве Новосибирска.

Сибирские этнографы, исследующие культуру восточнославянского населения Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв., отмечали формирование общесибирского купальского праздничного комплекса среди всех групп сибирских старожилов и переселенцев: докупальские запреты, обязательные купальские обливания водой и ночные купальские бесчинства молодежи. Исследователь Е.Ф. Фурсова зафиксировала, что массовые обливания отличали сибиряков от «прародителей» россиян мест выхода, в их числе с Русского Севера, Дона, южнорусских губерний (Фурсова 2012: 58). Такие элементы праздника Ивана Купалы как поверье в цветение чудесного цветка папоротника накануне Иванова дня, традиция сбора трав и купальской росы, разжигание костров и прыжки через них, представления о том, что необходимо обязательно купаться/запрещено купаться в этот день («русалки утащат») и пр. были характерны для отдельных этнокультурных групп Западной Сибири, но не являлись обязательным элементом сложившегося на рубеже XIX–XX вв. общесибирского купальского комплекса. Этнографы фиксировали среди пожилых сельчан-информантов «объяснения» тех или иных действий во время праздника, так, например, обливались как для «вызова дождя», так и для «прибавления здоровья». Приведем воспоминания о празднике от потомка вологодских переселенцев Анны Степановны Паршиковой, записанные этнографом Фурсовой: «Обливались – это заведёно было. Никуда хоть не выходи. И женищины с детьми

высунуться только – счас ведро хоп! У кажного колодец был, у кажного вода своя. Иван Купала – обливаться обязательно надо!» (Фурсова 2014: 190).

Хорошо зафиксирован этнографами и обряд «рассташ(ш)и(ы)хи» – ритуального бесчинства молодежи в ночь накануне 7 июля. «Рассташиха» заключалась в том, что компании юношей и девушек старались напакостить конкретным домохозяевам или жителям всей деревни: вытащить тяжелые вещи и перегородить дорогу, откатить на дальнейшее расстояние чью-либо телегу, перетащить скамейку и пр. «*Дак у нас и счас рассташиха есть. Видишь, кряж какой лежит. Девки приволокли оттэдово. Уж второй год не можем убрать. Он наш собственный, только за пригоном был, а они вот притащили к ограде. Вот год лежит, зимовал уж*», – вспоминали деревенские жители в ходе полевых этнографических выездов по Новосибирской области (Фурсова 2014: 191).

Перед антропологом-исследователем в обычае празднования дня Ивана Купалы встает ряд закономерных вопросов: каким образом и на каком этапе формирования города в него были принесена или зародилась купальская традиция? По какому принципу сформировался городской купальский праздничный комплекс, учитывая, что в сельской местности бытовали разнообразные традиции различных этнолокальных групп восточнославянских переселенцев, «привезенные» из мест выхода?

Анализ научной литературы, посвященной праздничной культуре сибирских городов, например, работы Ю.М. Гончарова (Гончаров 2013: 135–138), Т.А. Кискидосовой (Кискидосова 2017: 94–98), А.И. Куприянова (Куприянов 1995: 53–63), Литягиной А.В. (Литягина 2004: 215–226), Серяковой Н.А. (Серякова 2011), В.А. Скубневского и С.А. Шилина (Скубневский, Шилин 2008: 182–185) показали, что день Ивана Купалы не фигурировал в числе городских праздничных мероприятий на рубеже XIX – начала XX вв. Этот факт предположительно можно объяснить тем, что исследования этого периода опираются исключительно на базу письменных исторических источников: материалы местной прессы, архивные городские документы, отчеты и статистические сведения, мемораты, эго-документы и пр. Можно предположить, что поскольку праздничный комплекс Ивана Купалы всегда носил народный, неофициальный характер, не поддерживаемый церковью, и часто осуждаемый официальными органами власти, то, скорее всего, вполне мог быть распространен среди не привилегированных социальных страт сибирских горожан. По этой причине эти обычаи оказались не зафиксированными в письменных документах, следствием чего стала высокая вероятность «выпадения» празднования Ивана Купалы из исследовательского поля историков города.

В целом, исследователи городского досуга в Сибири второй половины XIX–начала XX вв. сходятся в том, что праздничная культура горожан еще во многом носила тот же характер, что и в сельской местности. Относительно Восточной Сибири Т.А. Кискидосова отмечала, что городская культура «сохраняла сложившуюся с давних времен аграрномагическую основу» (Кискидосова 2017: 94) и «в праздничной культуре горожан при устойчивом сохранении традиций новации не получили широкого развития и коснулись незначительной части городского населения» (Кискидосова 2017: 97). А.И. Куприянов рассмотрел сибирские городские праздники как объект этнографического изучения и показал процесс эволюции от традиционных народных форм праздника к собственно городским (Куприянов 1995: 53–63). Исследователи В.А. Скубневский и С.А. Шилин, описывая праздники г. Барнаула на рубеже веков, отмечали, что «в условиях города традиционная русская праздничная культура видоизменялась, а город-

ской средой порождались совершенно новые праздники» (*Скубневский, Шилин* 2008: 182). Историк городской повседневности Ю.М. Гончаров также отмечал, что на рубеже XIX–XX веков шло угасание традиционных русских народных праздников в Сибири и постепенное замещение их европеизированными формами (*Гончаров* 2013: 135–138).

Важно отметить, что Новониколаевск-Новосибирск в плане исторического развития стоит несколько особняком от других крупных сибирских городов: на рубеже прошлых веков он представлял собой рабочий поселок, и только в 1903 г. получил статус маленького безуездного города. Однако удачное географическое положение и ряд других факторов позволили малопримечательному населенному пункту стать административным центром огромного Сибирского края уже в 1925 г., продолжая развиваться семимильными темпами – по меткому выражению Луначарского – став «Сибирским Чикаго» (*Луначарский* 1929: 7–17, 39–48, 87–94). Таким образом, можно говорить о том, что в первой половине XX в. городская культура совсем молодого города не имела своей глубокой истории, большинство горожан были приезжими, причем по большей части выходцами из сельской местности. Таким образом, уместно считать, что именно бывшие жители сибирских сел – «новые горожане» Новосибирска и привезли традицию празднования Ивана Купалы в городское пространство.

Первые сведения, которые удалось зафиксировать автору в «поле» о праздновании дня Ивана Купалы в пространстве города Новосибирска относятся к периоду послевоенной истории. В 2000-е гг. пожилые жители Новосибирска рассказывали о праздновании Ивана Купалы в городе, например, что «уже в 1940-е гг. в Новосибирске всю обливались» (на момент второй половины 1940-х гг. они были совсем молодыми людьми). Информант Д., 1928 г.р. (ПМА 2015, № 3) года рождения вспоминал, что в конце 1940-х гг., будучи молодым человеком, обливал девушек водой в центре города, прямо напротив современного здания мэрии города. Ирина Петровна Клименко 1930 года рождения (ПМА 2015, № 4) вспоминала, как молодежь обливалась в районе Первомайского сквера из резиновых клизм и стеклянной посуды. Оба информанта отмечали, что обливание носило скорее характер заигрываний между противоположными полами (парни обливали молодых девушек), и уж точно не обливали всех подряд, особенно пожилых. Позднее, по воспоминаниям старожилов Новосибирска, традиция обливания сохранялась, но не на главных городских локациях – проспектах, скверах и площадях, а в городских дворах, в основном среди детей и подростков. Обливались из небольших бутылок и пузырьков, в которые, с распространением шариковых ручек, начали вставлять длинную часть от ее корпуса, чтобы обливать водой можно было более прицельно тонкой струйкой. В то время как в городском пространстве традиция обливания ушла с главной городской площади им. Ленина в полуприватные пространства дворов, за пределами городской черты среди городских жителей начали формироваться варианты купальской традиции, например, на территориях дачно-садовых товариществ и как один из неформальных/полуформальных праздников в детских лагерях отдыха.

Новосибирцы, чье детство прошло в сельской местности, в основном в Новосибирской области или близлежащих областях Западной Сибири, вспоминают, что сельская молодежь и дети широко праздновали день Ивана Купалы. Многие отмечают, что в 1970-х гг. обливания водой были не так популярны, как сегодня на улицах Новосибирска, а в основном все силы празднующих были «брошены» на «ночь творила» (именно такой вариант названия народной традиции уже бытовал в 1970-х в сельской местно-

сти). Жительница Новосибирска Е.Ш-Б. вспоминала свое сельское детство: «Именно “ночь творила”! Будучи семиклассницей Студеновской средней школы Новосибирской области в 1980 г. впервые хулиганили с одноклассниками после 24 часов. Все мокрое белье, вывешенное хозяйюшками, скручивали и завязывали в узлы. Это делали девочки, а мальчишки снимали с петель все калитки <...> и сложили в одну большую горку прямо на проезжей части <...> В семье мазали зубной пастой лица спящих. Доставалось и родителям, и брату с сестрой, и бабушке <...> Нужно заметить, что наша мама тоже участвовала в таких мероприятиях, и не обижалась, когда взрослые ребята срезали ее сортовые георгины» (ПМА 2021, № 8). Информант О.В. рассказывает: «Впервые “ночь творила” познала в Каргате примерно в 1976 г. Мне было 5 лет. Это была “традиция”, в которую меня, городскую, “погружали” деревенские. Их родители тоже владели этим “искусством”, разруха была приличная. Я с удовольствием привезла эти навыки в детские лагеря...» (ПМА 2021, № 12). Уроженка Новосибирска И.С. (ПМА 2021, № 9), проводившая каждое лето у бабушки в селе Усть-Таловка Алтайского края, отметила, что действия молодежи на «ночь творила» в 1990-е гг. приобрели на селе более радикальный и креативный характер. Последствия молодежных бесчинств стали более разрушительны и экономически ощутимы (так что домохозяйства в эту ночь оставались дежурить на своих огородах), а злые шутки над соседями стали более изощренными и даже в чем-то «кинематографичными». И.С. вспомнила, как примерно в 1993–1994 гг. подростки сколотили огромный могильный крест и поставили его посреди огорода с картошкой у «очень уж вредной бабки», все украсили погребальными венками – очень достоверная могила получилась. Пожилая женщина утром, конечно же, пережила много отрицательных эмоций, в итоге милиция даже «завела дело» по этому случаю.

Многие новосибирцы вспоминают, что в детстве, которое пришлось на период второй половины 1980-х и 1990-е гг. в пионерских лагерях, расположенных в Новосибирской области, пионеры неофициально праздновали день Ивана Купалы. В основном всё сводилось к ночным бесчинствам «ночи творила» накануне (вымазывание лиц спящих зубной пастой, связывание между собой одежды соседей по палате и другие мелкие шалости) и попыткам обливаться водой 7 июля (о которых знала администрация лагеря и всячески «на корню» пыталась пресечь). В ответ на стихийное празднование Ивана Купалы пионерами администрации лагерей пытались «подменить» стихийное празднование на что-то более организованное, например, отмечать «День Нептуна» с «одобренным» сценарием, но желание детей провести этот день как «день неповиновения» всегда было сильнее. Борис Аркадьевич Дейч (ПМА 2021, № 7), только начинавший карьеру в детских оздоровительных лагерях во второй половине 1980-х гг., вспоминал, как с появлением «гласности» и некоторым послаблением идеологической составляющей в программах стали появляться вечерние купальские костры и еще какие-то случайные «этнографические» элементы праздника. Было высказано мнение в среде новосибирского сообщества вожатых в лагере, что «королевская ночь» в лагерях (последняя ночь в лагере перед отъездом домой) – родная сестра сибирской «ночи творила».

Массовое строительство дач под Новосибирском пришлось на период второй половины 1960-х – 1970-е гг. И если в самом начале своей «дачной истории» соседи приспособлялись к новому летнему образу жизни в сообществе и только робко вырабатывали своеобразный «дачный этикет», то второе поколение дачников – дети или внуки (конец 1970-х – 1980-е гг.), чаще всего «выросшие» все вместе в одном дачном сообществе, имели более плотные связи внутри этого сообщества и свои

Рис. 1. День Ивана Купала у фонтана в Первомайском сквере (фото автора, 2013).

Fig. 1. Ivan Kupala Day at the fountain in Pervomaysky Square (photo by the author, 2013).

выработанные традиции. Одним из «традиционных» дачных праздников во многих садовых товариществах Новосибирской области стал День Ивана Купалы, празднуемый среди детей и молодежи (по ПМА 2013, 2015, 2018, 2021 гг.). Возможно, это было связано с тем, что дачная расслабленная обстановка куда более располагает к обливаниям на улице, в том числе из поливочного шланга (чаще всего 7 июля в Сибири стоит жаркая погода) и доступностью «праздничного» купания в водоемах. Таким образом, ритуальное купальское окатывание водой на дачных участках практически

никогда не воспринималось как хулиганство, чего нельзя сказать, если то же самое происходило на городских улицах.

Если «игры с водой» в жаркую погоду не порицались старшим поколением, то обряд «ночи творила», в ночь накануне праздника, вызывал резкую критику со стороны старших и даже порицания/наказания виновных. Информант Н. вспоминал: «В Ельцовке, мы маленькие были, бревна на дорогу выкатили. Когда домой вернулся, меня батя спросил: что делали? Ну я, как есть, на духу, все и поведал, врать не шибко умею. Таких п...лей схлопотал, что не снилось никогда в жизни и помню всегда!» (ПМА 2021, № 10). Дачная «ночь творила» чаще всего заключалась во вредительстве соседям и мелких хулиганствах: дети и подростки могли насыпать дрожжи в выгребную яму дачного туалета, разбросать поленницу, завалить калитку бревнами, вытащить козлы с участка и поставить их посреди дороги и пр. Чаще всего так поступали с теми соседями, с которыми не сложилось добрых отношений с детским дачным сообществом, то есть это был некий акт отмщения, узаконенного традицией «Ночи творила». Информанты отмечали, что их представление о традиции «Ночи творила» позволяла им совершить то, чего они никогда бы не стали делать в другие дни, поскольку поступки, безусловно, носили девиантный характер.

В 1990-е с распространением в средствах массовой информации популярных историко-этнографических сведений о празднике Ивана Купалы общего характера, без привязки к конкретным территориям, среди молодежи на дачах стало популярным разжигать костры, однако дрова для такого костра чаще всего заимствовались из забора «нелюбимого» соседа. В целом, со временем, хулиганства стали носить более «изысканный» и провокационный характер, так, например, информант О. (ПМА 2021, № 11) вспоминала, что на рубеже 1990–2000-х в ночь накануне Ивана Купалы наехала в темноте на соломенное чучело в одежде человека, и какое-то время была уверена, что совершила преступление. Когда же вышла из машины осмотреть «труп», то в кустах громко засмеялись подростки. Информант О. отметила, что когда

она сама была подростком, то хулиганства были более простыми, безобидными и ожидаемыми, и вряд ли могли довести человека до инфаркта.

Сами новосибирцы, участники купальских празднеств, объясняют название «ночь творила» как «творить всякую дичь» (ПМА 2021, № 11), «натворить что-то», «делать что попало» (ПМА 2021, № 13).

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х празднование Ивана Купалы вновь начинает выходить за пределы городских дворов. Возможно, это связано с общей либерализацией обстановки в стране, а также

ростом интереса к «дореволюционному прошлому», развитием фольклорного движения, появившейся тогда моды на обращение «к корням» (Тихонова 2016: 110–117; Фольклорное движение... 2016). Сама автор, прибегая к методу автоэтнографии, помнит, как в самом конце 1980-х вместе с другими детьми вышла из двора и начала обливать из кружек, ковшей и маленьких брызгалок взрослых людей на Красном проспекте – главной улице города, поздравляя с праздником Ивана Купалы и выкрикивая «Иван Купала – обливай кого попало!». Взрослые смеялись, шутили, и тоже в ответ поздравляли, крайне редко кто-то высказывал недовольствие и просил не обливать, поскольку все понимали, что это такой праздник. Вероятно, существенную роль в триумфальном возвращении празднования Дня Ивана Купалы на городские улицы и площади сыграла форма купальской традиции, в предшествующий период активно бытовавшая не только в сельской местности, но и в детских лагерях и на территории дачных товариществ в среде детей, подростков и молодежи.

В 1990–2000-е гг. городской праздник Ивана Купалы пережил настоящий бум. Каждый год местные СМИ выпускали материалы о все возрастающих масштабах празднования, что для местных властей уже стало представлять определенный вызов. К обслуживанию потребностей участников коллективных обливаний быстро подключился мелкий бизнес – за несколько дней до 7 июля в местах розничной торговли появлялся широкий ассортимент брызгалок, водных пистолетов, ружей, водяных помп, упаковки шариков, которые так и назывались «капитошка» (самодельные водяные бомбочки) и пр. В 2000-е годы уже крупные торговые сети стали реагировать на специфическую сибирскую традицию. Так, в один год новосибирская сеть строительных супермаркетов провела специальную акцию и снизила цены до минимальных на фирменные пластиковые ведра накануне праздника, в связи с чем на улицах города было множество детей и подростков с одинаковыми желтыми

Рис. 2. Надпись на заборе «Ночь тв 2013» после «ночи творила» в СНТ «Ивушка», Нижняя Ельцовка, Новосибирск (фото автора. ПМА, 2013).

Fig. 2. A sign “Noch tv 2013” after the “noch tvorila” on a fence in Ivushka, Lower Eltsovka district, Novosibirsk (photo by the author, 2013).

ведрами, так что горожане шутили о «спонсорстве» дня Купалы этими магазинами. Сегодня дети и молодежь Новосибирска ожидают и празднуют день Ивана Купалы, пожалуй, с похожим чувством, как ждут празднования Нового года. Информант О.Е. (ПМА 2018, № 1) рассказывала, что ее 12-летний сын очень расстроился, когда узнал, что на 7 июля его отправляют отдыхать на море, и он не сможет отпраздновать в городе день Ивана Купалы, мальчик сказал, что «целый год ждал этот праздник».

Начиная с 1990-х гг. участниками массовых обливаний на улицах города стали не только детские и подростковые компании, но и молодежь (сложно определить возраст верхней границы, примерно 30-35 лет). Появились новые формы обливания водой «за рулем», когда водители и их пассажиры «обстреливают» водой пешеходов и пассажиров других автомобилей. Бытуют и обратные случаи, когда обливающие влетают в общественный транспорт и окатывают водой сидящих или стоящих пассажиров, попытки обливаться были зафиксированы и в метрополитене. Последние, однако, были быстро пресечены сотрудниками охраны. Современные новосибирцы рассказывают, что и в некоторых офисах, где корпоративная культура позволяет шутить и самовыражаться, случаются водные битвы на Иванов день, во время которых даже могут пострадать документы и оргтехника. Так, информант Р. поделилась информацией, что в бизнес-центре, где находится агентство недвижимости, где она трудится, в этот день «сухого места не остается» (ПМА 2015, № 2).

«Ночь творила» (слово «рассташиха» в городе не известно и не используется совсем) в ночь перед 7 июля также достаточно популярная традиция в Новосибирске. Участниками ритуальных хулиганств обычно становятся мальчишки-подростки и молодые ребята: переворачивают лавочки в парках, опрокидывают помойки во дворах, портят личное имущество соседей, например, припаркованные машины, то есть занимаются откровенным вандализмом, демонстрируя девиантное поведение. Городская полиция в эти дни обычно работает «в усиленном режиме», и может привлечь виновников беспорядков до 15 суток, о чем обычно предупреждают накануне в СМИ (На Иван Купала не обливай...). И, если заниматься веселыми обливаниями водой молодежь чаще всего съезжается на центральные городские локации, то в «ночь творила» самые большие беспорядки происходят в окраинных спальных районах. Беспорядок на улицах, как следствие «ночи творила», всегда крайне осуждается всеми жителями города, и поэтому именно эта традиция девиантного поведения наиболее порицаема общественным мнением.

Полевые исследования в Новосибирске показали, что все новосибирцы знакомы с местной традицией «ночи творила» и обливаниями водой в день Ивана Купалы. Однако, очевидно, далеко не все жители в восторге от этой местной городской традиции. Так, например, Д. (ПМА 2015, № 5), жительница новосибирского района Академгородка, рассказала, что специально со своим другом выезжала в этот день в центр города и гуляла, дожидаясь, когда обольют водой. А когда их неминуемо обливали, то шли писать заявление о «хулиганских действиях» в полицию, так они видели свой вклад в борьбу против «деревенскости» праздника и «дикости» этой традиции. Недовольные купальской традицией новосибирцы не всегда так «невинно» реагируют на действия обливающихся водой, криминальные хроники после праздника ежегодно пестрят сообщениями о драках или даже инцидентах с оружием как реакцию некоторых жителей на «игры с водой».

Городские власти в целом сдержанно реагируют на этот традиционный и стихийно развивающийся народный городской праздник. В 2014 г. ныне уже бывший мэр Новосибирска Владимир Городецкий, отвечая на вопросы журналистов 6 июля, подчеркнул, что он осуждает примеры вандализма, хотя в целом у градоначальника двойное отношение к традициям неофициального праздника Ивана Купала: *«Пошутить, побрызгать водой – это одно дело. Но я категорически против вандализма, когда в ночь на Ивана Купалу переворачивают автобусные остановки. Если ребяташки безобидно брызгаются – это одна ситуация. А когда идет девушка в нарядном платье и ее обливают с головы до ног из ведра – это уже не веселье. Должны быть нормы этики и для такого праздника»* (Жесткие традиции празднования...). В то же время власти завуалировано, но пытаются по-тихому бороться с наиболее «радикальными» моментами, например, отключают городские фонтаны (В День Ивана Купалы новосибирские фонтаны закроют...), вокруг которых разворачиваются наиболее серьезные водные баталии. Были и попытки «локализовать» территорию празднования, убрать веселящихся молодых горожан с проспектов и площадей, «переместив» городское празднование Купалы на городской пляж. Эта инициатива городской администрации оттянула часть молодежи с улиц города, однако полностью убрать обливающихся не удается.

На своей странице Живого Журнала жительница Новосибирска под псевдонимом Vakaskim приводит рассказ случайно заставших новосибирский праздник Купалы знакомых из Екатеринбурга: *«До недавнего времени, честно признаться, я думала, что так отмечают этот праздник везде в России. Пока не познакомилась с девушками из Екатеринбурга. Они-то мне и рассказали о своем «культурном шоке», который произошел с ними в Новосибирске. Им повезло приехать в этот город именно 7 июля, в прекрасный солнечный жаркий день. Если в этот день, стоит хорошая погода, то будьте готовы к тому, что Вас будут обливать на каждом шагу. Из ведер, из брызгалок, из водяных пистолетов, кидать в вас шары или презервативы с водой, обливать Вас с крыши, может окатить водой проезжающая мимо машина, иногда могут облить прям из шланга. Причем обливаются ВСЕ. Не только детвора, но и вполне взрослые люди, и солидные банкиры и даже «реальные пацаны». Это происходит во всех районах города. Можете не сомневаться, если вы выйдете из дома в этот день, сухим вам домой прийти не удастся. И вот две мои ничего не подозревающие подруги решили прогуляться по городу. Естественно их тут же окатили один раз, через несколько метров еще раз и так до бесконечности. Они увидели в самом центре города девчонок, расхаживающих в купальниках. В общем, пешком идти они передумали и решили вернуться уже общественным транспортом, но они не знали, что пока открыты двери в автобусе на остановках, туда забегают люди с ведрами и обливают пассажиров. Сказать, что девчонки были в шоке от всего происходящего ничего не сказать. Они сказали мне, что в тот день, они подумали, что вот это обливание творится в городе каждый день, и что люди здесь мягко сказать не в своем уме, на следующий день они боялись идти на улицу. Но на следующий день к их удивлению ничего такого на улицах не происходило»* (Пользователь 2011).

Для других крупных сибирских городов: Омска, Томска, Барнаула, Бийска, Кемерово, Красноярска и пр. также характерно празднование дня Ивана Купалы. В каждом из этих городов праздник имеет местные особенности, однако в основе всех городских традиций лежат «игры с водой» и ночные бесчинства молодежи на «ночь творяла». В то же время, в Западной Сибири есть негласное признание того, что

именно в Новосибирске купальская городская традиция носит самый массовый характер, а отпраздновать Купалу с новосибирским размахом нередко приезжают подростки и молодежь из других сибирских городов.

Ритуальные действия, выполняемые на городском праздновании Ивана Купалы, безусловно, носят хулиганский характер, более того, они по своей сути абсурдны, поскольку, если сельские жители сибирской глубинки знали для чего обливают соседей («вызов» дождя, «прибавление» здоровья), то городские обливания не имеют никаких логических или псевдологических объяснений. На вопрос антрополога: «Откуда вы знаете, что сегодня нужно обливаться?» ответы обычно следующие: «Мама так сказала», «Это все и так знают», «Все обливаются, и я обливаюсь». Главный посыл празднующих – это день неповиновения и протестного веселья, выплеск негативной энергии вовне, в некоторых случаях – «разрешенный» день для того, чтобы выказать соседу свое отношение через пакости.

День Ивана Купала – пожалуй, единственный праздник традиционного календарного цикла, который пережил все советские культурные революции, деконструкцию «старого» быта и конструирование «нового», несколько видоизменялся в соответствии с различными историческими условиями, но остается живым, стихийным и, пожалуй, самым «народным» из всех праздников новосибирцев. Отчасти, «живучесть» купальской традиции можно объяснить тем, что советских культуртрегеров больше интересовала борьба с религиозными праздниками, а хулиганская, и даже в чем-то антихристианская купальская традиция не была похожа на праздник «коммунистического врага» и не вызвала опасений.

Будучи зафиксированным в центре городских событий в послевоенные годы, в середине XX в. праздник ушел с главных городских локаций, и существовал как «дворовый», «дачный», «лагерный» (активные агенты – дети и подростки), а в конце 1980-х с новой силой вырвался за пределы дворов на городские проспекты и в самый центр города (произошло резкое повышение верхней границы возраста участвующих в праздничном веселье). До сегодняшнего дня эта городская традиция жила и развивалась в соответствии с ритмом жизни сибирского мегаполиса, не подпитываемая никаким административным ресурсом. У этого праздника нет сценария и координаторов, представления о границах и нормах поведения во время купальских обливаний во многом соответствуют «обычному» праву (негласный запрет обливать пожилых людей, беременных женщин и семьи с маленькими детьми).

Присущее празднованию Ивана Купалы в Новосибирске веселье привлекли к исполнению праздничного ритуала, уходящего корнями в традиции восточнославянских народов, представителей всех этнических групп города, включая различные кавказские этносы, а также не так давно приехавших в Сибирь молодых из бывших советских республик, стран Средней Азии. Таким образом, городской День Ивана Купалы объединил молодежь всех этнических групп и конфессий, став основой демократичной городской праздничной культуры. Пожалуй, все сделанные выше выводы позволяют нам говорить о том, что день Ивана Купалы – часть живой *городской* праздничной традиции. На рубеже XIX–XX вв. выработалась основа общесибирской праздничной купальской традиции (ночь бесчинств и обливания водой), при том, что у праздника глубокие крестьянские корни и многообразие локальных традиций празднования, привезенных переселенцами с различных территорий в Сибирь. Именно общесибирская традиция была перенесена на городскую почву в ходе форсированной урбанизации с бывшими сельскими жителями – новыми горожанами сибирских мегаполисов. Она

претерпевала некоторые изменения, подстраиваясь под исторические обстоятельства, и каждый раз отвечая духовным запросам сибирского общества.

На протяжении 1990–2000-х гг. праздник становился все более и более масштабным, возраст празднующих серьезно поднялся даже немного выше официально принятого «молодежного», а поведение стало все более отклоняться в сторону девиантного, требующего специального контроля со стороны сотрудников полиции. Слабые попытки «нейтрализовать» праздник (например, выключать городские фонтаны в этот день), либо формализовать его и вывести с арены городских событий на специализированные площадки со стороны муниципалитета почти не дает заметного результата. Ирина Сергеевна Соловьева, начальник управления молодежной политики мэрии города Новосибирска, так прокомментировала позицию мэрии в этом вопросе: «Новосибирск – город протестный, здесь ничего напрямую запрещать нельзя, иначе люди еще сильнее будут требовать и хотеть то, что запрещено» (ПМА 2018, № 6). Тем не менее, полевые исследования летом 2021 г. показали, что в разгар пандемии COVID-19, когда на период июня-июля пришлось резкий рост числа заболевших в городе, никакого массового веселья с обливаниями в центре города не было. И, скорее всего, это не связано с пандемическими ограничениями (ведь обливаются в основном на улице), а с отсутствием праздничного хулиганского настроения.

Антропологический взгляд на ситуацию вокруг стихийного народного празднования дня Ивана Купала в Новосибирске может позволить переосмыслить понятия «городское» и «сельское» в рамках сибирского городского образа жизни и сибирской этнокультурной идентичности, что требует дальнейших исследований.

Источники и материалы

- В День Ивана – В День Ивана Купалы новосибирские фонтаны закроют на профилактику. 2014 г. <https://nsknews.info/materials/v-den-ivana-kupaly-novosibirskie-fontany-zakroyut-na-profilaktiku-142763/> Дата доступа: 1.11.2021
- Жесткие традиции – Жесткие традиции празднования дня Ивана Купала в Новосибирске шокируют приезжих <https://nsknews.info/materials/zhestkie-traditsii-prazdnovaniya-dnya-ivana-kupala-v-novosibirskie-shokiruyut-priezzhikh-124460/> Дата доступа: 1.11.2021.
- На Ивана Купала – На Ивана Купала не обливай кого попало <https://nsknews.info/materials/v-den-ivana-kupaly-novosibirskie-fontany-zakroyut-na-profilaktiku-142763/> Дата доступа: 1.11.2021.
- ПМА 2018 г., № 1 – Полевые материалы автора. Информант О.Е., 1980 г.р., уроженка г. Новосибирск, Железнодорожный район.
- ПМА 2015 г., № 2 – Полевые материалы автора. Информант Р., 1978 г.р., уроженка г. Новосибирск.
- ПМА, 2015 г., № 3 – Полевые материалы автора. Информант Д., 1928 г.р., уроженец Новосибирской области, «чалдон».
- ПМА, 2015 г., № 4 – Полевые материалы автора. Клименко Ирина Петровна, 1930 г.р., переехала в Новосибирск вместе с мужем в послевоенный период из Чувашии.
- ПМА, 2015 г., № 5 – Полевые материалы автора. Информант Д. житель Академгородка (Советский район г. Новосибирска).
- ПМА, 2018 г., № 6 – Полевые материалы автора. Информант Соловьева Ирина Сергеевна, начальник управления молодежной политики мэрии города Новосибирска.
- ПМА, 2021 г., № 7 – Полевые материалы автора. Информант Дейч Борис Аркадьевич, к.п.н., заведующий кафедрой «Теории и методики воспитательных систем института культуры и молодежной политики», НГПУ.
- ПМА, 2021 г., № 8 – Полевые материалы автора. Информант Е. Ш.-Б., 1968 г.р., жительница г. Новосибирск.

- ПМА, 2021 г., № 9 – Полевые материалы автора. Информант И.С., 1980 г.р., жительница г. Новосибирск.
- ПМА, 2021 г., № 10 – Полевые материалы автора. Информант Н., 1981 г.р. СНТ «Ивушка», Нижняя Ельцовка.
- ПМА, 2021 г., № 11 – Полевые материалы автора. Информант О., 1979 г.р., СНТ «Ивушка», Нижняя Ельцовка.
- ПМА, 2021 г., № 12 – Полевые материалы автора. Информант О.В., 1971 г.р., жительница г. Новосибирск.
- ПМА2021 г., №13 – Полевые материалы автора. Информант В., 1980 г.р., СНТ «Ивушка», Нижняя Ельцовка, Новосибирск.
- По ПМА 2015, 2018, 2021 г. – Полевые материалы автора. СНТ «Ивушка», СНТ «Темп», Нижняя Ельцовка, Новосибирск.
- Пользователь 2021 – Пользователь LiveJournal Vikaskim <https://vikaskim.livejournal.com/tag/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%B8%20%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8> (публикация от 8 июля 2011 г.). Дата доступа: 1.11.2021.

Научная литература

- Гончаров Ю.М.* Общественные праздники в городах Сибири в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. История. Исторические науки. 2013. №4–2 (80). С. 135–138.
- Кискидосова Т.А.* Праздничная культура городской семьи Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета, 2017. № 416. С. 94–98.
- Куприянов А.И.* Общественные праздники в Омске в первой половине XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1985. С. 53–63.
- Литягина А.В.* Праздничная культура горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Города Сибири XVII – начала XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2: История повседневности. С. 215–226.
- Луначарский А. В.* Месяц по Сибири. Л., 1929. 94 с.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Между городом и деревней// Мир России. 2002. № 4. 61–82.
- Пивоваров Ю.Л.* Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.
- Серякова Н.А.* Русский праздничный календарь в Томске во второй половине XIX в.: по материалам местной периодики: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Томск, 2011. 230 с.
- Скубневский В.А., Шилин С.-А.* Праздники в Барнауле в к. XIX начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. История. Исторические науки. 2008. С. 182–185.
- Тихонова А.А.* Современное фольклорное движение как фактор формирования мировоззрения молодежи// Вестник МГУКИ. 2016. № 6 (74). С. 110–117
- Фольклорное движение в современном мире: Сборник статей / *Дорохова Е.А.* (сост.). М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2016. 232 с.
- Фурсова Е.Ф.* Западная Сибирь и Русский Север: опыт сравнительно-исторического анализа по материалам календарной обрядности (конец XIX – первая треть XX в.) // Казначеевские чтения. Человек XXI века: ноосферное измерение. Сборник докладов участников международной научно-практической конференции «Человек XXI века: ноосферное измерение» № 2, 2012. Новосибирск, 2012. С. 49–62.
- Фурсова Е.Ф.* Сибирь и русский Север. Проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начала XXI вв.). Новосибирск, 2014. 296 с.

References

- Dorohova, E.A. (ed.). 2016. *Fol'klornoe dvizhenie v sovremennom mire: Sbornik statej.* [Folklore movement in the modern world: Collection of articles]. Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora.
- Fursova, E.F. 2012. Zapadnaya Sibir' i Russkij Sever: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza po materialam kalendarnoj obryadnosti (konec XIX – pervaya tret' XX v.) [Western Siberia and the Russian North: the experience of comparative historical analysis based on the materials of calendar rituals (late 19th – first third of the 20th century)]. In *Kaznacheevskie chteniya. Chelovek XXI veka: noosfernoe izmerenie. Sbornik докладов участников международной научно-практической конференции «Человек XXI века: noosfernoe izmerenie»* [Kaznacheevskie readings. Man of the XXI century: noospheric dimension. Collection of reports of the participants of the international scientific-practical conference “Man of the XXI century: noospheric dimension”], 2: 49-62. Novosibirsk.
- Fursova, E.F. 2014. *Sibir' i russkij Sever. Problemy migracij i etnokul'turnyh vzaimodejstvij (XVII-nachala XXI vv.)*. [Siberia and the Russian North. Problems of migration and ethnocultural interactions (XVII – early XXI centuries)]. Novosibirsk.
- Goncharov, YU.M. 2013. Obshchestvennye prazdniki v gorodah Sibiri v konce XIX – nachale XX v. [Public holidays in the cities of Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Istoricheskie nauki.* [Bulletin of the Altai State University. Story. Historical sciences.] 4–2 (80): 135-138.
- Kiskidosova, T.A. 2017. Prazdnichnaya kul'tura gorodskoj sem'i Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX– nachale XX v. [Festive culture of an urban family in Eastern Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 416: 94-98.
- Kupriyanov, A.I. 1985. Obshchestvennye prazdniki v Omske v pervoj polovine XIX v. [Public holidays in Omsk in the first half of the 19th century]. In *Kul'turno-bytovye processy u russkij Sibiri XVIII – nachalo XX v.* [Cultural and everyday processes among the Russians of Siberia in the 18th – early 20th centuries.], 53–63. Novosibirsk: Nauka.
- Lityagina, A.V. 2004. Prazdnichnaya kul'tura gorozhan Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Festive culture of the townspeople of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX century] In *Goroda Sibiri XVII – nachala XX v. Istorija povsednevnosti. History of everyday life* [Cities of Siberia XVII – early XX century], Vol. 2, 215–226. Barnaul.
- Lunacharskij, A. V. 1929. Mesyac po Sibiri. [Month in Siberia] Leningrad.
- Nefedova, T.G., Trejvish, A.I. 2002. Mezhdu gorodom i derevnej [Between town and country]. *Mir Rossii.* [World of Russia] 4, 61–82.
- Pivovarov, YU.L. 2001. Urbanizaciya Rossii v XX veke: predstavleniya i real'nost' [Urbanization of Russia in the XX century: perceptions and reality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 6: 101–113.
- Seryakova, N.A. 2011. *Russkij prazdnichnyj kalendar' v Tomske vo vtoroj polovine XIX v.: po materialam mestnoj periodiki: dissertaciya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskij nauk.* [The Russian holiday calendar in Tomsk in the second half of the 19th century: based on materials from local periodicals: dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Tomsk.
- Skubnevskij, V.A., and S.A. Shilin. 2008. Prazdniki v Barnaule v k. XIX nachale XX v. [Holidays in Barnaul in the late 19th early 20th century]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Istoricheskie nauki* 1: 182–185.
- Tihonova, A.A. 2016. Sovremennoe fol'klornoe dvizhenie kak faktor formirovaniya mirovozzreniya molodyozhi [Modern folklore movement as a factor in the formation of the worldview of youth]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kulturi I Iskusstva* 6 (74): 110–117.